

Лариса Д. Бондарь
Санкт-Петербургская академия управления и экономики
Тамара И. Масловская
Санкт-Петербургский институт
низкотемпературных пищевых технологий
Санкт-Петербург, Россия

ИЗУЧЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КУРСА «ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ»

В учебных пособиях и программах по курсу «Древние языки и культуры» числительному уделяется, как правило, весьма незначительное место. Данная лексико-грамматическая тема изучается в контексте реализации практических задач курса — получения базовых представлений о системе основных древних языков и овладения (в ограниченных пределах) коммуникативной деятельностью, по крайней мере, на одном классическом языке. Как правило, в роли такого языка выступает латинский. Требования к отбору материала обычно сводятся к минимуму: грамматический аспект темы включает типологизацию числительных (для латинского языка зачастую ограниченную *numeralia cardinalia* и *ordinalia* с опущением разрядов, не представленных в большинстве современных европейских языков: *distributiva* и *multiplicativa*) и парадигму склонений; лексический аспект охватывает наименования единиц, а также наименования и деривационные особенности числительных 11–19, декад, сотен, тысяч.

Между тем изучение указанной темы может стать важным звеном в ходе решения теоретических задач курса «Древние языки и культуры». Многие исследователи отмечали особенность числительных, позволяющих определить им в языке особое, выдающееся место, неоднократно указывая на явления, родящие язык и счет. В частности, Н. Хомски отметил, что в основе человеческой способности как к языку, так и к счету лежит нечто вроде сложного вычислительного механизма, который позволяет иметь дело с абстрактными бесконечными величинами¹. На фоне подобного

¹ Chomsky N. The Generative Enterprise: a Discussion with Riny Huybregts and Henk van Riemsdijk. — Dordrecht, 1982. P. 20 ff.

интереса к числительным с универсальной и когнитивной точки зрения Дж. Р. Херфорд, изучавший системы числительных, обратил внимание на то, что именно они лежат на пересечении человеческих способностей к языку и счету¹. Уже в связи с этим следует обратить внимание студентов-лингвистов на эту часть речи.

Кроме того, теоретическая составляющая курса древних языков для студентов-лингвистов базируется на принципе изучения классических языков в полилингвистическом сравнении (в сопоставлении их друг с другом, а также с системой русского и, по крайней мере, одного базового западноевропейского языка), «расширения лингвистического кругозора учащихся, развития у них абстрактного грамматического мышления и научного подхода» к языкам². Для студентов, изучающих в качестве базового какой-либо индоевропейский язык, данный курс становится своеобразным введением в индоевропеистику, отсутствующую в качестве специальной дисциплины в стандартном учебном плане.

В этом отношении тема «Имя числительное» открывает богатейшие возможности. Родство индоевропейских языков едва ли не наиболее очевидно проявляется именно в функционировании их системы числительных на самых разных уровнях, начиная от наименования единиц и декад и заканчивая наименованиями больших чисел. Более того, система числительных реконструируемого протоиндоевропейского языка восстанавливается достаточно очевидно. Как отмечал еще К. Д. Бак: «Ни один класс слов, даже описывающий родственные связи, не был столь стойким, как числительные, в сохранении исходных слов»³.

Представление темы «Имя числительное» в учебном курсе возможно в трех аспектах — фонетическом, лексическом, грамматическом, — каждый из которых может быть наполнен богатым теоретическим содержанием. *Фонетический аспект* темы является в данном случае наиболее продуктивным. В связи с небольшой продолжительностью курса древних языков и определенными ограничениями на содержание излагаемого материала особую роль следует отвести именно фонетическому анализу, лежащему, как известно, в основе индоевропеистики и сравнительного языкознания. Методы и принципы сравнительной фонетики работают также при сопоставлении единиц более высоких уровней, и их освоение дает будущему лингвисту инструмент для компаративного анализа.

Такое положение дел позволяет заключить, что сопоставление систем числительных в сравниваемых языках не должно ограничиваться разбором

сетки тривиальных фонетических соответствий. Напротив, при ограниченном объеме лексических единиц появляется возможность затронуть тонкости фонетической реконструкции конкретных языков, приучая студентов к научной обоснованности этимологических сближений. В данном контексте весьма актуально звучит тезис Р. Л. Полицера о том, что лингвистический анализ не только может, но и должен быть трансформирован в метод обучения¹.

Большие методические возможности открывает также *лексический аспект* данной темы, позволяющий отразить помимо лингвистического философско-культурологический интерес к проблеме наименования чисел. Наиболее богатый материал содержится в описании количественных числительных. Первая группа — единицы. В системе индоевропейских языков количественные числительные 2–10 представляют собой класс немотивированных слов. Его члены не имеют прозрачной связи с другими членами индоевропейского словаря, хотя предпринимаются попытки выведения этимологий путем поиска «родственников» на более раннем хронологическом уровне или, в частности, утверждения что 8 — это двойственное число от 4, хотя доказательства этого пока остаются неубедительными. Большинство же числительных не поддаются рациональному анализу.

Следующая большая группа — декады от 20 до 90. Этимология этих числительных ясна. Они представляют собой сложные слова, с очевидностью описывающие числительные как «две десятки», «три десятки» и т. д. Предпринимаются попытки даже числительное 100 поместить в эту рациональную структуру².

Что касается сложносоставных числительных, обозначающих большие числа, то на известные особенности их образования, не отличающиеся в своих основных чертах в древних и современных индоевропейских языках, возможно обратить внимание студентов с той позиции, с которой рассматривал этот вопрос, в частности, Дж. Р. Херфорд, пыгавшийся объяснить, почему в английском языке принято говорить *two thousand one hundred*, а не *one hundred two thousand* или *two hundred thousand*, а не *two thousand hundred*³.

Решая задачи расширения лингвистического кругозора студентов, в контексте настоящей темы могут быть предложены интересные наблюдения, осуществленные, в частности, отечественным индоевропеистом В. В. Ивановым, в отношении семантического развития понятия «два» в

¹ Hurford J. R. The Linguistic Theory of Numerals. — Cambridge, 1975; Language and Number. — Oxford, 1987.

² Кацман Н. Л. Методика преподавания латинского языка. — М., 2003. С. 9.

³ Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. — Chicago; London, 1949. P. 936.

¹ Полицер Р. Л. Об отношении лингвистики к обучению языку // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. — М., 1967. С. 123.

² Szemerényi O. Studies in the Indo-European System of Numerals. — Heidelberg, 1960. P. 141.

³ Hurford J. R. Language and Number. P. 246 f.

производных от этого числительного словах. В частности, это развитие привело к приобретению указанным числительным качественного значения и образованию в целом ряде индоевропейских (а также афразийских) языков глаголов со значением «сомневаться»: *dubio* < *duo* (лат.), *deidō* < **dwi-* (основа, отраженная в *dis*) (др.-греч.), *dvi-gubbūt* < *dvi-gubbus* «двойной» (др.-прусск.), *zweifeln* < *zwei* (нем.), а далее — глаголов со значением «бояться» и прилагательных со значением «страшный»: др.-прусск. *dūrai* «страшный», фр. *redouter* «бояться», *redoutable* «страшный», др.-арм. *erkñčim* «боюсь» как производное от *erku* «два»¹.

Грамматический аспект также может решать не только практические задачи; помимо изучения традиционной морфологии и синтаксиса числительного, здесь возможно апеллирование к сравнительно-историческому языкознанию. С точки зрения морфологии особенность индоевропейских числительных заключается в том, что начиная максимум с 5 числительные представляют собой несклоняемые лексические единицы. В связи с этим заслуживает внимание дискуссия вокруг вопроса о том, относить ли формирование этих числительных к дофлективному периоду в развитии индоевропейского языка. Аналогичная ситуация сложилась вокруг проблемы названия декад, а также разряда порядковых числительных, формирование которого также возможно возвести к дофлективному времени².

Следует отметить, что знакомство с системой числительных в классических языках может представлять интерес не только для изучающих индоевропейские языки. Так, финно-угорские языки согласуются в целом с индоевропейской моделью (этот факт снимает одно из препятствий на пути исследования тех, кто пытается доказать родство индоевропейских и финно-угорских языков). В частности, названия декад являются сложным словами, состоящими из соответствующей единицы и слова «десять». Более того, исследователи отмечают прямые индоевропейские заимствования в этой области. Так, *deksan*, появляющееся в финских словах *kahdeksan* (8) и *yhdeksän* (9), заимствовано из индоевропейского. Подобным образом восточное *das* «10», а также венгерское *tíz* (10) восходит к иранскому *das(a)*. В качестве индоевропейского заимствования рассматривались вогульское *low* (10), финское *lokke/loge* (10) (ср. греч. *legō* — собирать, считать). При образовании порядковых числительных финно-угорские языки используют суффикс *-nt/-nd-*, что немаловажно отличается от индоевропейского деривационного принципа³.

¹ Иванов В. В. К семантической типологии производных от числительного «два» // <http://kogni.narod.ru/dva.htm>.

² Szemerényi O. Studies in the Indo-European System of Numerals. P. 141–142.

³ Op. cit. P. 143.